

КОНКУРС КОРОТКОГО РАССКАЗА

2021 год был признан годом Ф.М. Достоевского. Писателю исполнилось 200 лет. В связи с этим в рамках фестиваля «Бунинские Озерки» были организованы конкурсы, посвященные творчеству Достоевского. Принято считать, что И.А. Бунин не любил его творчество и даже не лестно отзывался о таланте писателя. Но вот, что мы нашли в книге А. Бахраха «Бунин в халате»: «В “Грасский дневник” словно невзначай вклинилась одна запись, на которой следовало бы задержаться. Описывая периодически происходившие в бунинском окружении споры о Достоевском, всегда возбужденные <...> Кузнецова отметила, что Вера Николаевна как-то довольно для нее неожиданно обмолвилась, сказав, что “Достоевский ей многое объяснил и в самом Иване Алексеевиче и в жизни всего их дома”. Надо надеяться, что эти слова не дошли до ушей Бунина — они вызвали бы в нем бурю — и что вырвались они у Веры Николаевны непродуманно, вернее, что ей не могло прийти в голову, что кто-либо эти слова “увековечит”. А между тем, было немало глубокой и горькой правды в этой примитивно толкуемой “достоевщине”, которая то и дело проскальзывала в их общей жизни. Она невольно питалась той нарочитой атмосферой, которую Бунин, не отдавая в этом себе отчета, сам создавал, той почти постоянной напряженностью, которая из-за этого возникала, да и не могла не возникнуть».

В конкурсе короткого рассказа приняло участие 328 человек. География участников разнообразна: от российской деревеньки до Башкортостана, Дальнего Востока и Израиля. А возраст? От 13 до 87. Вот что значит конкурс без возрастных ограничений.

Победители Конкурса короткого рассказа:

- **I место:** Людмила Юрьевна Прохорова (Москва);
- **II место:** Сауле Жабаевна Кадырова (Пермский край);
- **III место:** Раиса Федоровна Кравцова (Оренбургская область).

*Людмила Юрьевна
Прохорова*

30 лет, Москва

SENSUS DIVINITATIS

Он уже давно хочет уйти. Седые волосы неряшливо выбиваются у корней. Красит их в темный каштан. Сам покупает ей эту дешевую краску, а еще дегтярное мыло от высыпаний на коже. Восковые полоски. Без них на подбородке пробивается жесткая щетина.словно зубная щетка. Сдавала анализы на гормоны. Дисбаланс, переизбыток андрогенов. Всегда гордилась «мужским характером». И вот. Кольца Венеры на шее, как шрамы. И сдавленный рычащий храп по ночам. Растянутые мочки ушей. Расширенные поры на носу. Брови так часто выщипывала, что стали жидкие и с проплешинами. Под ночной рубашкой с узором бута — дряблое грузное тело. Моется два раза в день, а свежести все равно нет. В ней нет и не будет больше свежести. А в нем есть? Душится амбровыми духами постоянно. Душно. Опостытели. Локти шелушатся. Возле левого выросла крупная некрасивая родинка. Пальцы на руках искривил артрит. Обручальное кольцо впилося в кожу — не снять. Прихрамывает из-за остеоартроза. В уборную ходит по десять раз в день. Недержание. И по телефону тоже. Говорит постоянно с подругами. Скидки в магазине, а в дневном телешоу какой срам, а в вечернем — как поют-то, как поют, с ума сойти! Закрывает дверь, чтобы не слышать. К каждому празднику просит в подарок набор вышивки.

Весь дом увешан аляповатыми цветами, умильными котятами, идилическими домами. Над кроватью — икона крестиком в сусально-золотом багете. Любит красные розы. Пошлость. Стала верить гороскопам, разгадывать кроссворды и покупать лотерейные билеты. Раз в месяц выходят в театр. Спит там с открытыми глазами, а затем старается как можно красноречивее описать свои впечатления. Не интересно. Знает ее от и до. Лучше бы знал что-то другое. Нежность ушла. Раздражает почти все и почти всегда. У него на языке все время вертится что-то злое. Хочется уколоть побольнее. Больше не жалко, когда плачет. Быстрее бы закончила. Быстрее бы ответила — та, другая. Молодая, гибкая, со свежим телом, густыми волосами до копчика, татуировкой на пояснице. И ведь тонкая, умная. Заметил ее сразу, выделил из всех. Смелость мысли и смелость заблуждений. И блузка шелковая, почти прозрачная, а под ней кружевное белье. Занимается музыкой, скрипачка, читает запойно и не пьет. Даже по праздникам. Увлекся, унесло. Начал приходить на работу вовремя, задерживаться допоздна. Лишь бы видеться чаще. Стали видеться не только на работе. У нее в съемной комнате на слишком мягком матрасе. И вновь чувствовал себя живым. А теперь в ней — жизнь. Заговорили о разводе. Уйдет к ней от жены. Все скажет и уйдет. Желанная. Часто разглядывал ее аватар в мессенджере. Уже и не ждал, а повезло. Красивая, и дети будут красивые и рослые. Так сразу и подумал почему-то, в первую же встречу. Привлекла. С женой было не так.

Было так, как никогда до и никогда после.

Когда впервые увидел ее — напугала до дрожи. До мурашек на загривке. Боялся смотреть, боялся даже стоять рядом. Первобытный трепет. Она была страшной, как Бог. Как чума, рак, ВИЧ, облучение и война. Она была страшнее всего того, что когда-либо было с ним, и того, что он мог вообразить. С него будто содрали одежду и кожу и оставили стоять в пустоте и темноте, наполненной бионауральными ритмами. Звуковым фоном, что ставят при бессоннице. Космической, пульсирующей тишиной. Хтонический ужас.словно перед ним был не человек, не женщина из плоти и крови, а что-то большее. Не встреча взглядов, а прикосновение неведомого. Невиданного. Безбренного. Холодное дыхание того, из чего когда-то родился весь мир.

Потом только рассмотрел внимательно. Хорошенькая. Лицо-хамелеон. То нежное и почти бесцветное, то почти порочное. И почему только напугала? И куда все ушло...

Ночью за окном шумит ветер. На часах — три, а сон все не идет.

Украдкой заглядывает в телефон. На фотографии лучится широкая улыбка. Счастливая и безмятежная. Внутри шевелится предвкушение будущего счастья. Будет гордиться, ходить с ней по друзьям. И кровь вновь будет бежать по венам, а не скисать. Повезло. Завтра непременно поговорит с женой. Опять будет лить слезы. Много слез и упреков. Не станет даже выслушивать. Просто скажет все, как есть, и уйдет. Прокручивая в голове, какими именно словами все скажет, не заметил, как тишина в комнате стала осязаемой. А затем голос. Усталый, но уверенный. «Я тебя отпускаю. Пожалуйста, только давай не будем ни о чем говорить». Жена переворачивается на другой бок и глубже кутается в одеяло. Прячет под ним свое дряблое тело, облаченное в рубашку с узорами бута, и все те годы, что они были вместе. Всасывает их, как пылесос, в черноту своего кокона. В черную дыру, которая когда-то была звездой. Забирает себе все то божественное и непостижимое, что когда-то случилось с ними. Оставляя ему только бесхребетную легкость, только приторное предвкушение счастья, только красоту.

*Сауле Жабаетна
Кадырова*

34 года, Соликамск,
Пермский край

КОНЬ. ВЕТЕР

Пыль следом за мной. Я мчу по земле,
дождь бьет меня в ноги и круп.
Я черного цвета, конь вечного
цвета земли.
Я взрослый: тьма детства меня
не достигнет.
Быстрее, быстрее всех страхов —
я мчу по земле.

Я конь, черный конь, и грива
черна, и копыта. Сливаюсь я с тьмой,
и ночью не вижу себя я и сам. Я конь
цвета страха, а кто-то считает, я конь
цвета смерти, забвения, вечного
сна. Я не был рожден для мученья,
не мыслил я сеять страданья и стра-
хи. Но черная кожа и черная шкура,
и черные пряди, и черные глаза — и
вот я уже не для воли шагаю по этой
печальной земле. Я выгляжу так, как
не нравится многим. Боятся и масти
моей, и души.

А мне страшно тоже. Спасенье —
лишь в беге...

Пока был жеребенком, несклад-
ным, прыгучим, я прятался вечно от
света и звука. Свет означает начало
дня, а звук...

Был мальчик, в руке его хлыст с
острым шипом на конце. Зачем? Чтоб
все лошади слушались человека и па-
дали бы перед ним на колени. Я не
хотел. Один не хотел из всего табуна.

Убегал и брыкался, но шип — о, шип
всегда меня настигал.

Меня оседлали однажды: я
сдался на миг, им секунды хватило.
Взбрыкнул; резь — хлестнули; мот-
нул головой, вскинул передние ноги;
и снова удар по спине, по ногам. Сми-
ренно я встал, недвижимый и черный,
я злость затаил и дождался своего се-
дока. Мальчика. Лишь только он ноги
с боков моих свесил, я сбросил его,
взвившись ввысь, к ветру, небу и бело-
му солнцу над нами. Он плакал, нога
была покалечена. Я смотрел на него
и думал: уйди! Оставь меня и не бей,
и тогда твоя нога заживет. Но на ме-
сто мальчика пришел его отец. Меня
привязали веревками к колу, ноги и
голову, чтоб не укусил, не лягнул, но
все видел. Шип!.. Раз, два и три! Раз,
два, три! И раз, и два, и три...

Детство было страшным. Вот
мой левый бок — здесь шрам полуме-
сяцем. Белый оскал на черной шкуре.
Свист хлыста я еще слышу во сне, я
помню. Но теперь я могу бежать, и ни
один удар меня не нагонит. Оскал не
болит.

Потом я стал таем. Я выживал
уже больше года, вот потому я и был
таем. Сверстников готовили к скач-
кам. Меня — сказали так — к бойне.
Сменили бы букву — я был бы бес-
страшен и смело понес седока на вой-
ну. (Я слышу слова и вижу их знак.)
Но — бойня! Причина? Строптивый.
Непокорный. Бей, хоть всю плеть в
нитку, — я показываю зубы. Я злой.
Я хочу только бегать, а все знакомые
кони медленнее ветра. В поле я запи-
наюсь об их раздумья.

Сказали, на тая уже есть покупатель: свадьба. В то утро я услышал свое будущее. (И снова проклятое утро, начало проклятого дня!) «Угощение». Я ел овес, но поднял голову. Вдохнул конюшню, запах дома, закрыл глаза, увидел стол, на нем — еду. Знак слова: их много вокруг стола, и я на нем... кусками...

Прочь! Я бился копытами о землю, бросая себя все выше и дальше. Люди закричали мне вслед; краем красного глаза я увидел «учителя», побежавшего за ружьем. Я взмыл в небо. Я задыхался, я коротко ржал, я боялся и в ужасе мчался туда, где никто никогда, никто никогда. «Нет, нет», — бил я в землю. Я не любил свою жизнь, и день никогда не любил, но я любил ветер и поле, и ради того, чтобы бежать вольно, я был готов жить.

Бежал. Все быстрее, хоть ноги онемели. Все быстрее, хоть сердце почти остановилось. Все быстрее, хоть перед глазами плясали черти. А потом я упал. Захватил языком горсть песка, разбросал вокруг головы пену, не закрывал глаз, в небо уставился. Там было темно. Наконец-то ночь! Ночь несла защиту и тишину. Я любил только ночь. И одиночество. Я съел песок и улыбнулся. Дышал тяжело, сбивчиво, но был доволен судьбой, что привела меня в ночь.

Отдохнул. Встал. Пошел на слабый прохладный звук. Впереди шел дождь. Я вошел в высокую траву, узнал нераспаханное дикое поле. Я снова улыбнулся. Вот — настоящий дом. Я помнил его, мыслями я

был здесь всегда. Схватил травинку, сжевал. Скользнула мимо змея и замерла слева от меня. Мой бок с полумесяцем — тоже слева. Значит, змея хочет принести мне боль. Нет! Я топнул. Змея зашипела, поднялась над землей. Так и ты хочешь меня съесть? Ты, как человек, только что без плети? Вон, и шипы у тебя торчат, с собой носишь. О, как я разозлился! Все было красным в ту черную ночь, ночь цвета моей жизни. Я не боялся шипов во рту змеи. Я ее раздавил. Она тоже медлила, и я ее опередил, как тех людей, что привязали мою голову к столбу, как молодых коней, которые подчинились человеку, встав перед ним на колени. Я ударил копытом в голову змеи. Она перестала шипеть и обмякла. Я фыркнул на раздавленную толстую веревку и пошел прочь.

Я все еще жеребенок, спой же
мне колыбельную!

Я один в поле, в лесу, под
солнцем и небом.

Спой мне про воду, напои меня ласками!
Мама...

Успокой меня, губами дотронься до лба.
Посмотри, как горят мои свежие раны!
Я вовсе не так силен и не так смел,
но я зол, зол, я очень зол!

Мама...

Мне часто бывает страшно.

Мне чуть больше года.

Вдруг завтра я не проснусь.

Утро не бывает добрым. Не ко мне.
Я боюсь света. Он всегда нес
мне только боль.

Мама! Сколько я еще проживу один?..

Я придумал эти строки ночью. Повторяю их, пока шагаю, повторяю их, пока разгоняюсь. А потом, когда бегу, я уже только бегу! Дышу и лечу. Нет мыслей, нет страха, нет воспоминаний, лишь только ветер в моей черной гриве! Ветер и я. Ветер — моя мама? Я верю ветру. Если дождь бьет мое тело, эти удары радостные, приятные, дружеские. Не как хлыстом.

Воля!.. Свобода!.. Я злой и дикий, я ушел от людей, что построили стойла. Теплые стойла, но свою жизнь я не отдам им за миску овса с яблоками.

Я ушел. Я вольный конь. Черная грива, черная шерсть. Цвет вечной земли, ночи. Черное защищает меня. Свет — режет. Боль острого белого цвета. Так думаю я.

Я ветер, я всюду и сразу. Ни добрый, ни злой: я — только лишь я. Могу и пожар потушить, могу и пожар я раздуть. Я знаю, где прячутся тайны, и их разношу я по свету, несущи и раздоры, и смех... Я не был рожден, как тот черный конь, но я так же, как он, волен. Я развеваю его черные пряди. Он смотрит в даль неба, он радуется мне. Он любит меня.

Он не знает иной ласки, кроме моих дуновений. Он дикий, и я не хочу его укрощать. Он боится грома и молнии, но я отгоняю грозу. Он любит дождь, и только дождь — над ним, а гроза и гром — всегда там, куда он не помчит. Могу.

Иногда он бросает мне: «Мама», и я толкаю его в правый бок. Он в сердце своем заливаётся смехом и мчит еще быстрее.

Мой конь, мой вольный черный конь, с оскалом боли на боку...

Я буду любить тебя, конь, ты станешь мной, когда придет время, я унесу тебя в себе, я покажу тебе скалы и море. Ты полюбишь скалы. Они — как ты, только убежать не могут. Черные, черные камни.

Ты будешь единственным, кто догонит белое солнце.

Я ветер. Я твоя сила. Поднимайся, сынок, выходи из печального сна. Ты больше не тай, тебе не грозит плеть и бойня, у тебя не будет переломанных костей, ты не будешь участвовать в скачках, на твою спину не сядет даже самый легкий жокей, твои губы не порвет ни одна уздечка, и в кость не вобьют подкову... Ты — мой сын, ты вольный черный конь!

Так беги же, беги и дыши, беги и смейся! Я буду расчесывать твою черную гриву, обдувать твои дрожащие черные бока, щекотать твои черные подвижные ноздри. Я ветер, я не имею ни цвета, ни вкуса, ни запаха, но я приношу все это в себе. Я владею душами. Только твоей душой, мой бедный сын, я не хочу владеть. Ты вольный конь, ты вольный черный конь... Беги же свободно!

Пусть хотя бы он один будет вольным на планете.

Черный конь, бегущий с ветром, ветром-мамой, под дождем.

Раиса Федоровна Кравцова

82 года,

Оренбургская область

СТЕПЬ

У каждого из нас есть своя прекрасная маленькая страна — малая родина. Где родился, где прошли детство, отрочество, юность... О своем заветном, заповедном месте на этой земле я хочу рассказать.

Степь — колыбель цивилизаций. Вольный ветер между небом и землей носит запахи трав, пересекает бесконечные птичьи трассы, тревожит степной покой и память времени.

Степь. Зеленая, душистая, звенящая в разнотравье. Седая, волнующаяся в ковыле. Горькая полынная, знойная. Торжественно белоснежная, как праздничная скатерть, стылая, леденящая, зимняя. Но всегда живая, просторная, изумительная. Где бы ты ни был, какой бы красоты ни увидел, ничто не может вытеснить из памяти образ родной степи, синий первоцвет, отчаянно пробивающийся из-под снега, разноцветье тюльпанов, пьянящий аромат созревающей пшеницы, запах чабреца, ромашки, пижмы, полыни. Степь имеет свой вкус, солоновато-горький. А еще кислого степного щавеля, сладкого паслена и земляники.

Она разная, моя степь. Порою звонкая, многоголосая, или тихая, умиротворенно дремлющая, или своенравная, грозная, гневающаяся...

Кто хоть раз попадал в пылевую бурю, будет помнить это всю жизнь.

Стена плотной пыли, песка. В метре от себя ничего не видно. Волосы электризуются и поднимаются вверх, как антенны. Пыль проникает во все клеточки твоего тела, нечем дышать. Спасает лишь то, что длится она недолго. Пятнадцать-двадцать минут, и весь этот кошмар уносится прочь.

Не менее зрелищны вихри в степи. Воронками, начинающимися где-то в облаках, закручиваясь, стремительно мчится по земле «ведьмина свадьба». «Не стой у нее на пути — закружит и унесет с собой», — говорила мама.

А какая гроза в степи! Фантастическое зрелище! Весь небосвод полыхает фиолетовым цветом, в воздухе стоит непрерывный гул — одновременно завораживающее и ужасающее действие, когда ты понимаешь, насколько беспомощен перед мощью и красотой разбушевавшейся стихии. Ощущение нереальности, будто попал на другую планету.

Зимняя степь очень коварна. Переметет пути-дороги, захоронит так, что потеряешь из вида все ориентиры. Растеряешься в этой круговерти. Метели устилают снежные дали снеговыми барханами, будто белым волнистым ковром. Порой ветра дуют и воют с такой свирепой выразительностью, что кажутся одушевленными. Тетушка-вьюга укрывает белым покрывалом дома по самые макушки, подпирает двери сугробами, не выбраться...

И все же зимняя степь прекрасна в своей белизне, серебром и драгоценными камнями посверкивая и переливаясь на солнце. Мудростью веков

веет от этого холодного, белоснежного зимнего царства.

Степь преобразается весной, когда, насытившись влагой, повинуюсь неписаным законам природы, оживает, откликаясь на солнечное тепло буйным цветением трав, покрывается пышным ковром нежных, неописуемо трогательных подснежников, тюльпанов, ирисов, горицвета. Перламутровыми волнами поблескивает безбрежный ковыльный простор. И кажется, что это незримый художник круглый год меняет фон для картины.

Босоное детство зовет меня в степь. Пронзительным посвистом пе-

рекликаются сурки. Перебегают от норки к норке суслики, любопытными столбиками рассматривают тебя в упор. Куропатки внезапно выпорхнут из-под ног. Зайцы стремительно убегают наутек. Деловито перебежит дорогу лисица. Высоко в небе лениво парят коршуны. В жаркий июньский день воздух наполнен несмолкаемым жужжанием пчел, стрекотом кузнечиков. А под вечер все затихает.

В конце лета и осенью в ковыльной степи при ветреной погоде можно увидеть, как над буро-желтой, выгоревшей от солнца травой прыгает легкий, почти прозрачный мячик. Он то

Просторы Бунинской России. Липецкая область

приземляется, то, оттолкнувшись от земли, летит по ветру. Встретившись и обнявшись, как добрые знакомые, два мяча сцепятся и летают вместе, к ним присоединяются еще несколько таких же легковесных мячей, и вот по степи уже катится целый вал, забирая в себя мячи-одиночки. Это перекати-поле (курай). Ветер подхватывает и несет шаровидные кураи иногда на десятки километров.

Судьба степи моего детства сложилась драматично. Всем миром осваивали целину, выращивали хлеб, но

при этом, распахивая все новые и новые гектары целинных земель, люди не заметили, как сохранившиеся остатки ковыльного простора стали настолько редкими, что пришла пора объявить их памятниками природы. Растительность Оренбургского края длительное время подвергалась воздействию человека, в результате чего некоторые виды растений исчезли, другие оказались на грани исчезновения. В Красную книгу Оренбургской области занесено более сорока видов растений. В их числе наши степные тюльпаны и ковыль.

С грустью смотрю на тюльпаны в руках детей. Белые, желтые, красные, нежно-розовые — разноцветные драгоценные чаши с черными серединками. Как же они пахнут! Майским ветром, вольной волей, свободой... Степью пахнут... Сколько они простоят дома? День-два... А степь детства этих мальчишек и девчонок с каждым годом беднее и беднее.

Останавливаю детвору, объясняю, что степную красоту нельзя поместить в вазу, ей нужен родной простор, воля, земля и небо, степь. Почему? Потому

что у их будущих детей и внуков спустя много лет тоже должна быть цветущая степь их детства, дорожке которой ничего нет.

Время летит быстро, мальчишки и девчонки повзрослеют. Разъедутся, разлетятся. Но память вернет обратно. Заскучают по родному дому, по своей степи. Затоскуют о светлом покое ее холмов и курганов, о тихом шепоте ковыля, о малой родине, где они появились на свет. Дай Бог, чтобы все это сохранилось. Дай Бог!